

References

1. Fedunina O.V. *Poetika sna (russkiy roman pervoy treti XX v. v kontekste traditsii)* [The Poetics of a Dream (the Russian Novel of the 1st Third of the 20th Century in the Context of Tradition)]. Moscow, 2013, p. 7.
2. Fedunina O.V. *Poetika sna (russkiy roman pervoy treti XX v. v kontekste traditsii)* [The Poetics of a Dream (the Russian Novel of the 1st Third of the 20th Century in the Context of Tradition)]. Moscow, 2013, p. 45.
3. Molnar A. *Poeziya prozy v tvorchestve Goncharova* [Pieces of Poetry in the Prose by I.A. Goncharov]. Ulyanovsk, 2012.
4. Lotman Yu.M. Son – semioticheskoe okno [The Dream a Semiotic Window], in: Lotman Yu.M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv* [Semiosphere. Culture and Explosion]. St. Petersburg, 2000, pp. 123–126.
5. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Mif – imya – kul'tura [Myth – Name – Culture], in: Lotman Yu.M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg, 1999, p. 532.
6. Lotman Yu.M. Tekst v tekste [Text Within a Text], in: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1* [Selected Articles: in 3 vols. Vol. 1]. Tallin, 1992, pp. 148–161.
7. Goncharov I.A. Luchshe pozdno, chem nikogda [Better Late Than Neve], in: Goncharov I.A. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 8* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 8]. Moscow, 1980, p. 117.
8. Goncharov I.A. Obryv [The Precipice], in: Goncharov I.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t. T. 7* [Complete Works and Letters: in 20 vols. Vol. 7]. St. Petersburg, 2004.
9. Geyro L.S. “Soobrazno vremeni i obstoyatel'stvam...”. (Tvorcheskaya istoriya romana “Obryv”) [“Consistently with the Time and Circumstances ...” (The Creative History of the Novel “The Precipice”)]. *I.A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniya* [I.A. Goncharov. New Materials and Researches]. Moscow, 2000, p. 149.
10. Fedunina O.V. *Poetika sna (russkiy roman pervoy treti XX v. v kontekste traditsii)* [The Poetics of a Dream (the Russian Novel of the 1st Third of the 20th Century in the Context of Tradition)]. Moscow, 2013, p. 37.
11. Fedunina O.V. *Poetika sna (russkiy roman pervoy treti XX v. v kontekste traditsii)* [The Poetics of a Dream (the Russian Novel of the 1st Third of the 20th Century in the Context of Tradition)]. Moscow, 2013, p. 25.
12. Remizov A.M. *Ogon' veshchey* [Fire of Things]. Moscow, 1989, p. 174.
13. Geyro L.S. “Soobrazno vremeni i obstoyatel'stvam...”. (Tvorcheskaya istoriya romana “Obryv”) [“Consistently with the Time and Circumstances ...” (The Creative History of the Novel “The Precipice”)]. *I.A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniya* [I.A. Goncharov. New Materials and Researches]. Moscow, 2000, p. 150.

Молнар Ангелика – Ph.D., доцент кафедры русского языка и литературы Западно-Венгерского Университета, Университетский Центр Савария (Венгрия, Сомбатхей).

Научные интересы: русская литература XIX в., творчество И.А. Гончарова.
E-mail: manja@t-online.hu

Molnár Angelika – Ph.D., an assistant professor at the Department for the Russian language and literature, the Savaria Campus, University of West Hungary (Szombathely, Hungary).

Research area: Russian literature of the 19th century, I.A. Goncharov's creative work.

E-mail: manja@t-online.hu

Г. Рылькова
(Гэйнсвилль, Флорида, США)

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕХОВ И ТУРГЕНЕВ

Аннотация. В статье рассматривается пресловутый факт доставки тела Чехова из Германии в Россию в устричном вагоне (июль 1904 г.) в свете теории «страха влияния» Гарольда Блума. Доказывается, что вагон-холодильник для свежих устриц был своего рода скрытым благословением (знаком первородства и признания Чехова), а не видом наказания, как было принято считать ранее.

Ключевые слова: Чехов; Тургенев; смерть; творчество; «Странная история»; «страх влияния».

G. Rylkova
(Gainesville, FL, USA)

A Strange Story: Anton Chekhov and Ivan Turgenev

Abstract. The article considers the infamous oyster car that brought Chekhov's body back from Germany to Russia in July, 1904, in the light of Harold Bloom's theory of the anxiety of influence. The evidence provides that the refrigerator car for fresh oysters was rather a hidden blessing (a sign of Chekhov's singularity and recognition) and not a form of punishment as was previously assumed.

Key words: Chekhov; Turgenev; circumstances, surrounding Chekhov's death and burial; “A Strange Story”; anxiety of influence.

В отличие от Оскара Уайльда, умершего в Париже, или Рихарда Вагнера, умершего в Венеции, Чехову случилось умереть в мало кому тогда известном курортном городке Баденвайлере, куда стекались чахоточные больные. Последние письма Чехова свидетельствуют о том, что поездка в Германию была бессмысленна и бесполезна во всех отношениях. Чехов жаловался на усиливающую скуку и ощущение дискомфорта и мечтал поскорее уехать в Италию, чтобы оттуда отправиться домой на пароходе. Этим планам не суждено было осуществиться. Тело Чехова было возвращено в Россию и похоронено на кладбище Новодевичьего монастыря 9 июля 1904 г. В газете «Московские ведомости» от 5 июля 1904 г. появилась статья «Чехов и Москва» подписанная инициалами А.Н. Статья начиналась словами: «Внезапно умер Чехов... Только на днях промелькнуло в газетах известие, что в здоровье писателя наступило улучшение. Тем неожиданнее была скорбная весть, которую принес телеграф»¹. Скоропостижность смерти Чехова странным образом согласуется с темой другой статьи. На той же странице в колонке справа, в рубрике «Из научного мира», помещена неподписанная статья «Устрицы и тифозная горячка». В статье говорится о тифозной эпидемии, охватившей некоторые английские портовые города. Французские ученые пришли к выводу, что виновниками тифозной эпидемии являются устрицы. Не случайно, первыми пострадали именно гурманы, большие «любители устриц». Сомневающимся автор предлагает «ознакомиться с тем, что уже давно происходит в Константинополе <...>, где этот дешевый в Константинополе продукт служит несомненным источником тифозных заболеваний»². Скорее всего, благодаря

тому, что спрос на устрицы в Европе резко упал в начале июля, при пересечении русской границы в Вержболово гроб с телом Чехова смогли поместить в вагон для транспортировки устриц, в котором он и проследовал от Вержболово до Петербурга и потом из Петербурга в Москву.

Хотя в рекордную для того времени июльскую жару транспортировать покойника в вагоне с рефрижератором было намного удобнее и предпочтительнее, русская общественность, встречавшая поезд на Варшавском вокзале в Петербурге и на Николаевском вокзале в Москве расценила это решение железнодорожников, как злую шутку над Чеховым. Встречавшие «увидели эту печально знаменитую надпись “отделение для перевозки свежих устриц”, ниже которой стоял номер вагона “Д 1743”»³. Даже через десять лет известный историк литературы Семен Венгеров не мог без содрогания вспоминать эти минуты: «Направились мы все к печальному вагону с останками любимого писателя и прямо были ошеломлены. Всем бросилась в глаза, ставшая с того времени знаменитой надпись на вагоне, в котором стоял гроб с телом А.П. Чехова: **вагон для устриц**»⁴ [выделено Венгеровым].

Вагон для устриц неизменно присутствует во всех описаниях последних дней и смерти Чехова и традиционно интерпретируется как «апофеоз пошлости», отдавая дань известному описанию Горького:

«Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже с блеском... И пошлость за это отомстила ему скверной выходкой, положив его труп – труп поэта – в вагон для перевозки “устриц”.

Грязно-зеленое пятно этого вагона кажется мне именно огромной, торжествующей улыбкой пошлости над уставшим врагом, а бесчисленные “воспоминания” уличных газет – лицемерной грустью, за которой я чувствую пахучее дыхание все той же пошлости, втайне довольной смертью врага своего»⁵.

Некоторые литературоведы, как, например, Кэтрин О’Коннор, склонны видеть в вагоне для устриц проявление посмертной воли Чехова, который и после смерти продолжал мило издеваться над своими любимыми героями и заставлял их действовать в соответствии с им же самим установленными правилами⁶. Дмитрий Мережковский считал, что вагон для устриц был послан Чехову в наказание за его нигилизм и неверие в человеческие возможности:

«“Я умираю. Ich sterbe” – эти два слова, говорят Чехов произнес перед самой смертью и больше ничего не прибавил, да ему и нечего было прибавить: смерть есть смерть, как “дважды два есть четыре”; смерть – ничто, и жизнь – смерть, все – ничто. И мертвое тело Чехова положат в “вагон для перевозки свежих устриц” <...>. Это-то и есть истинная смерть, не только телесная, но и духовная, вечная смерть, предсказанная в Апокалипсисе, вторая смерть, от которой нет воскресения»⁷.

Я хочу предложить иное, чеховско-тургеневское прочтение устричного вагона.

Тургенев умер 22 августа / 3 сентября 1883 г. Только через месяц 19 сентября / 1 октября гроб с его телом погрузили на поезд, следовавший из Парижа в Берлин. Из Берлина гроб повезли в Вержболово. В Вержболово, к изумлению встречающего Михаила Матвеевича Стасюлевича (официального представителя похоронной комиссии), тело Тургенева прибыло в обыкновенном багажном вагоне в обыкновенном ящике для клади, без каких бы то ни было сопроводительных бумаг, кроме обыкновенной багажной накладной, где было написано: «1 покойник». «Ни имени, ни фамилии!» восклицает Стасюлевич. «Мы только догадывались, что это – Тургенев, но собственно не могли знать того наверное. Тело прибыло в простом багажном вагоне, и гроб лежал на полу, заделанный в обыкновенном дорожном ящике для клади; около него, по стенам вагона стояло еще несколько ящиков, очевидно, с венками, оставшимися от парижской церемонии»⁸. Поскольку по распоряжению российских властей тело Тургенева должно было прибыть в Петербург не ранее 27 сентября / 8 октября, то Стасюлевичу пришлось остаться в Вержболово еще на три дня. В 1917 г. Ю. Никольский предвзывает свою статью «Дело о похоронах И.С. Тургенева» эпитафией из Стасюлевича: «Лет через двадцать не поверят, что все это было возможно». Никольский приводит цитаты из переписки Стасюлевича с женой: «Хотели запереть тело на три дня в сарай, с прочею кладью, но я и священник воспротивились; нас поддержала таможня; мы разломали ящик и перенесли гроб в церковь, где и отслужили панихиду с певчими»⁹. Я останавливаюсь так подробно на реакции Стасюлевича (хорошо знавшего и любившего Тургенева) исключительно для того, чтобы подчеркнуть, что встреча тела Чехова на Варшавском и Николаевских вокзалах, когда изумленные встречавшие увидели перед собой вагон для перевозки устриц, не так уж разительно отличалась от первой встречи представителя похоронной комиссии с телом Тургенева на границе с Россией.

В своих воспоминаниях о последних днях Чехова Книппер-Чехова пишет:

«Предпоследняя ночь была страшная. Стояла жара, и разражалась гроза за грозой. Было душно. Ночью Антон Павлович умолял открыть дверь на балкон и окно, а открыть было жутко, так как густой, молочный туман поднимался до нашего этажа и, как тягучие привидения самых фантастических очертаний, вползал и разливался по комнате, и так всю ночь... Электричество потушили, оно мучило зрение Антону Павловичу, горел остаток свечи, и было страшно, что свечи не хватит до рассвета, и клубы тумана все ползли, и особенно было жутко, когда свеча то замирала, то вспыхивала. Чтобы Антон Павлович, приходя в сознание, не заметил, что я не сплю и слежу за ним, я взяла книгу и делала вид, что читаю. Он спрашивал, приходя в себя: “Что читаешь?” Томик Чехова был открыт на рассказе “Странная история”, я так и сказала. Он улыбнулся и слабо сказал: “Дурочка, кто же возит книги мужа с собой?” – и опять впал в забытье»¹⁰.

Как справедливо отметила О’Коннор, среди произведений Чехова нет «Странной истории». Есть всем известная «Скучная история», которую и имела в виду Ольга Леонардовна, пишет О’Коннор, но от волнения не смогла вспомнить¹¹. Но что, если Ольга Леонардовна действительно читала не скучную, а странную историю? «Скучную историю» написал Чехов,

а «Странная история» была написана Тургеневым в Германии в 1869 г. и относится к жанру так называемых «таинственных» повестей.

В «Странной истории» рассказывается о некой молодой девушке Софи, которая после смерти матери уходит из дома, где ей была гарантирована безбедная жизнь и благополучное замужество, и посвящает себя паломничеству с неким юродивым по имени Василий. Они перебираются с места на место, часто совсем без средств к существованию. Во время последней встречи с юродивым рассказчик видит, что тело юродивого покрыто язвами и нарывами, которые Софи благоговейно смазывает сливочным маслом, принесенным поклонниками Василия. Когда Софи заставляют силой вернуться в отчий дом, она перестает говорить, чахнет и вскоре умирает. Нет сомнений, что рассказчик находится под большим впечатлением от целеустремленности Софи. Он восхищен ее благородством и преданностью. Как пишут люди, хорошо знавшие Ольгу Леонардовну, она была человеком, по большей части сосредоточенным на себе самой¹². Поэтому намного легче увидеть ее, заинтересованно читающую повесть Тургенева о судьбе женщины, состоящей в услужении при исключительно человеке (ситуация очень похожая на ситуацию самой Книппер при больном Чехове в Баденвайлере), чем представить, как она читает чеховскую повесть, написанную от лица шестидесятилетнего ученого. Тем более, что слова Книппер о «густом, молочном тумане, поднимавшемся до нашего этажа» могли быть позаимствованы у Тургенева. Тургеневский рассказчик знакомится с Василием на спиритическом сеансе, во время которого Василий заставляет его увидеть своего умершего учителя, что и убеждает его в сверхъестественных способностях юродивого.

«Так прошло не знаю сколько времени: быть может, минута; быть может, четверть часа. <...> Веки мои слипались... косматая фигура с белесоватыми глазами в синей чуйке задвоилась передо мной – и вдруг совсем исчезла!.. Я встрепенулся: он опять стоял между дверью и мною, но уже гораздо ближе... Потом он опять исчез – словно туман набежал на него; опять появился... исчез опять... появился опять... и все ближе, ближе – его трудное, почти храпевшее дыхание уже добегало до меня... Опять надвинулся туман, и вдруг из этого тумана, начиная с белых, кверху приподнятых волос, явственно стала вырисовываться голова старика Дессера! Да; вот его бородавки, его черные брови, его нос крючком! Вот и зеленый фрак с медными пуговицами, и полосатый жилет, и жабо... Я вскрикнул, я приподнялся...»¹³.

Чтение Книппер Тургенева у изголовья умирающего Чехова не противоречило духу события. «Странная история» как синоним болезни появляется в письме Чехова Суворину, в котором он описывает свое недомогание после возвращения с Сахалина 24 декабря 1890 г.: «Странная история. Пока ехал на Сахалин и обратно, чувствовал себя здоровым вполне, теперь же дома происходит во мне черт знает что. Голова побаливает, лень во всем теле, скорая утомляемость, равнодушие, а главное – перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд и не стучит»¹⁴. В середине 80-х гг. Чехов сам принял участие в спиритическом сеансе, целью которого было вызвать призрак Тургенева. Призрак появился и изрек, что жизнь Чехова «близится к закату»: «Как-то лет 10 назад я занимал-

ся спиритизмом и вызванный мною Тургенев ответил мне: “Жизнь твоя близится к закату”. И в самом деле мне теперь так сильно хочется всякой всячины, как будто наступили заговоры. Так бы, кажется, все съел: и степь, и заграницу, и хороший роман...»¹⁵. Вообще о Тургеневе Чехов думал не переставая. Только в 1903 г. Чехов несколько раз брался перечитывать Тургенева, каждый раз информируя Книппер о том, что Тургенев безнадежно устарел: «Читаю я Тургенева»; «Читаю Тургенева. После этого писателя останется 1/8 или 1/10 из того, что он написал, все же остальное через 25-35 лет уйдет в архив»¹⁶.

Чехов, несомненно, был хорошо знаком с биографией Тургенева. Чехов легко расставался с книгами. Среди неизменных спутников оставалось первое издание писем Тургенева, увидевшее свет в 1884 г. Трудно усомниться в том, что многие письма Чехов знал наизусть, как, например, знаменитое письмо Тургенева Толстому, в котором тот призывал «великого писателя земли русской» вернуться к литературной деятельности. Чехов многократно пародировал эти строки в своих письмах женщинам-актрисам, называя их «актрисами земли русской» для большей убедительности. Письма Чехова удивительно похожи по тональности, человечности, пониманию и сочувствию к человеческим слабостям на письма, которые Тургенев писал в течение последних полутора лет, когда неизлечимость его болезни ни для кого уже не была секретом. В издании 1884 г. письма последних полутора лет занимают больше ¼ объема книги.

Тургенев почувствовал первые признаки неизлечимой болезни (рак позвоночника) в марте 1882 г. Вскоре ему стало все труднее и труднее передвигаться. За несколько месяцев до смерти Тургенев был неподвижен. В письмах Тургенев проявлял необыкновенное мужество, сравнивая себя сначала с Шильонским узником, а потом все чаще со старым моллюском или устрицей:

«Молодежь теперь разъехалась – но мне не скучно – так как я привык к однообразию, и ничего уже от жизни не требую, кроме отсутствия, по мере возможности, страданий. <...> Главный интерес дня – вечерний вист; иногда немножко музыки. Самый лучший режим для той устрицы, в которую я превратился» (465)¹⁷;

«Вкратце сказать: сплю я спокойно, питаюсь одним молоком – но ни стоять, ни ходить, ни ездить в экипаже не могу, не возбуждая самых неприятных болей в груди, плечах и т.д. Результат: сиди, лежи, голубчик – а о прочем не помышляй! И сколько это продолжится... тоже не твое дело. Вполне понимаю положение устрицы, приросшей к скале. Но устрица ничего другого не испытала – да и не желает ничего другого» (475);

«Оказывается, что можно отлично существовать, не будучи в состоянии ни стоять, ни ходить, ни ездить. Живут же так устрицы! А у меня есть много развлечений, недоступных устрицам» (502);

«Я с этой мыслью примирился – и нахожу даже – что ничего... устрицей быть недурно. Я мог бы ослепнуть, ноги могли бы отняться и т.д. А теперь даже работать можно. Только, конечно, личная жизнь прекратилась. Да и то сказать: мне на днях *шестьдесят четыре года*» (503);

«Сижу или лежу целых 24 часа сряду – и баста! Моллюск – так моллюск. Живут же они – и даже многие годы – и никакого желанья к перемене не ощущают» (506).

[Здесь и далее письма Тургенева цитируются по указанному изданию 1884 г. Выбор издания объясняется его доступностью как самому Чехову, так и его современникам. В более поздних собраниях сочинений «устричных» цитат еще больше. Курсив Тургенева.]

Устричная тема также появляется то тут, то там в письмах Чехова. Так, он сообщает одному адресату, что на Сахалин едет исключительно для того, чтобы поесть устриц. Другого призывает отправиться с ним в путешествие, чтобы наесться устриц. Устрицы в данном контексте подаются как трудно достижимый идеал, за который стоит платить лишениями и неудобствами долгой дороги: «В общем я своею поездкой доволен и не жалею, что поехал. Тяжко ехать, но зато отдых чуден. Отдыхаю с наслаждением. Из Иркутска двинусь к Байкалу, который переплыву на пароходе; от Байкала тысяча верст до Амура, а там на пароходе до Великого океана, где первым делом выкупаюсь и поем устриц»¹⁸.

В 1874 г. совсем еще молодой Семен Венгеров обратился к Тургеневу с просьбой ответить на несколько вопросов, возникших в связи с написанием будущей книги «Русская литература в ее современных представителях: Иван Сергеевич Тургенев». В частности, Венгерова интересовало, почему Тургенев не торопился с освобождением своих крестьян. Тургенев откликнулся в жанре доверительного письма. Когда Тургенев получил свой экземпляр книги в 1875 г., он с удивлением обнаружил, что Венгеров опубликовал это откровенное письмо, не предназначавшееся для печати. В ответ Тургенев поспешил проинформировать Венгерова о том, что их взгляды на литературу и искусство диаметрально противоположны и что взаимопонимание в такой ситуации исключено (см. письма Тургенева Венгерову и комментарии к ним¹⁹). Неудивительно, что ни в 1904, ни позднее, в 1914 г. Венгеров не обратил внимание на занятую связь между ссылками на свое устричное прозябание в письмах Тургенева и чеховским скандально известным вагоном для устриц. А жаль.

Роман Тименчик считает, что поздние письма Тургенева не могли не повлиять на рассуждения Иннокентия Анненского «о поэтических формах современной чувствительности»: «Забудьте о поэтах – царях, пророках... Будьте этим моллюском в раковине, который видит сон и которому не стыдно, что он ничего не знает о лежащем на нем океане». Тургеневу же сравнение себя с моллюском могло быть подсказано строками из стихотворения старого П.А. Вяземского, считает Тименчик; это наблюдение обсуждается в книге А. Кушнера «Аполлон в траве»²⁰:

К лагунам, как *frutti di mare*,
Я крепко и сонно прирос...

Эту цепочку взаимовлияний можно продолжить заявлениями большевистски настроенного критика М. Левидова, который призывал представителей дореволюционной интеллигенции устыдиться своей пассивности и уползти на кладбище: «Оскорбительно быть аморфным моллюском, дающим жизнь жемчужине»²¹. Вообще устрицы и моллюски каким-то образом напрямую связаны с творцами и творческим процессом.

В фильме «Прогулки с Бродским» Бродский, наслаждаясь водной гладью, объясняет с гордостью: «Во мне говорит моллюск». Для Анны Ахматовой основное свойство устриц – их уязвимость. Строки «Свежо и остро пахли морем // На блюде устрицы во льду» подчеркивают незащищенность героини. Позднее Ахматова признавалась: «Я всю жизнь свою постоянно в безвыходном положении. Нельзя меня даже слегка хвалить – ведь я страшно уязвима – как устрица»²². Эрих Голлербах писал, что «голос <Николая Гумилева> прыгает от низких нот почти к дискантам, растягивая слова и проглатывая их как устрицы»²³. Айседора Дункан в своих воспоминаниях писала о том, что во время беременности ее мать могла есть только устрицы и пить шампанское. «Когда меня спрашивают, когда я начала танцевать, я отвечаю – “В чреве моей матери, вероятно, под воздействием устриц и шампанского – еды Афродиты”. <...> Я родилась у моря и все главные события в моей жизни произошли у моря»²⁴. По воспоминаниям Авдотьи Панаевой, Николай Добролюбов за несколько дней до смерти спросил у врача, «можно ли ему шампанское и устрицы», тем самым показывая, что он понимает, что дни его сочтены²⁵. Чехов, как известно, выпил бокал шампанского за несколько минут до смерти. А потом его тело погрузили в вагон для перевозки свежих устриц.

Если согласиться с мнением О'Коннор о том, что Чехов обладал сверхъестественными способностями управлять жизнью и после своей смерти, то можно посмотреть на чеховский вагон для устриц в свете теории страха литературного влияния, разработанной известным американским литературоведом Хэрольдом Блумом. Блум считает, что каждый выдающийся писатель должен доказать свое первородство и право на место на литературном Олимпе. Более молодой писатель должен «коренным образом отклониться» от работ своих предшественников, чтобы доказать свое превосходство²⁶. Утомительная и почти бессмысленная поездка в Германию за месяц до смерти, которая принесла Чехову столько мучений и унижений, возможно, и была тем «отклонением» от намеченного ранее пути, проложенного Тургеневым. Не проходит и месяца после похорон, как устанавливается иерархия, согласно которой Чехов уже ставится выше Тургенева. Из письма Немировича-Данченко Станиславскому от 25 июля 1904 г.: «Смерть Чехова обнаружила такую любовь к нему русского общества, о которой мы не подозревали. Никогда при жизни его не ставили наряду с Пушкиным, Толстым и выше Тургенева, а теперь это почти единодушно»²⁷.

В статье «Памяти И.С. Тургенева», опубликованной в «Театре и искусстве» за 1908 г., Вл. Боцяновский сравнивает уже не столько Чехова с Тургеневым, сколько Тургенева с одним из чеховских персонажей. Кончина Тургенева в далеком Буживале напомнила Боцяновскому смерть старика Фирса из чеховского «Вишневого сада». Читая Тургенева, «вы как-будто ходите по “Вишневому саду” и слышите грустный голос забытого, заключенного в покинутом барском доме, старика Фирса. <...> С ранних, чуть ли не детских, дней Тургенев почувствовал себя таким Фирсом. <...> Но судьба оторвала его от этого единственного друга <Спаское> и, взамен, в сущности не дала ему ничего... Как Фирса, она отделила его от дорогого “Вишневого сада” и заколотила в стенах, откуда его человеческие стоны замечены были очень нескоро... Только под конец жизни, вернее

даже, после смерти...»²⁸.

Тургенев был первым великим русским писателем, который по ожиданиям современников должен был умереть в собственной постели в России, а умер на чужбине в окружении «чуждых ему» людей, как писали современники, не особенно любившие Полину Виардо. Смерть Чехова в Баденвайлере стала еще одним звеном в цепочке развития таких представлений о том, как и где должны умирать русские писатели. После 1904 г. мало кто из русских писателей, включая Толстого, умирал в своей постели у себя на родине. Поэтому, когда Борис Зайцев приступил в 1954 г. к описанию своих впечатлений от встречи поезда с телом Чехова на Николаевском вокзале в Москве, его воспоминания резко отличались от ставших каноническими описаний Горького и Венгерова. Зайцеву, пережившему войны и революции и прошедшему последние 50 лет жизни во Франции, этот день запомнился не «пахучим дыханием пошлости», а остался в памяти «неким странствием, долгим, прощальным, но и светлым, как бы очищающим». «Само горе просветлилось» – вспоминал Зайцев. «Уходящая туча, капли с дерев, отдельные капли с неба, кусок радуги, пересекавший павлиньим узором тучу, золото куполов, блеск крестов, ласточки, прорезавшие воздух, могила, толпа – это и был уход от нас Чехова, успокоение его в том Новодевичьем, куда он ходил из клиники, выздоравливая, стоял скромно у стенки, слушая службу и пение новодевичьих монашенок». «Генерала хоронят? – спросил кто-то. «Нет, писателя» «Пи-са-те-ля!»²⁹.

¹ А.Н. Чехов и Москва // Московские ведомости. 1904. 5 июля. № 185. С. 4.

² Устрицы и тифозная горячка // Московские ведомости. 1904. 5 июля. № 185. С. 4.

³ Долинский М., Черток С. Последний путь Чехова // Русская литература. 1962. № 2. С. 195.

⁴ Венгеров С.А. Вагон для устриц // Солнце России. 1914. Июнь. № 228 (25). С. 6.

⁵ Горький М. А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 504.

⁶ O'Connor K.T. Chekhov's Death: His Textual Past Recaptured // Studies in Poetics, Commemorative Volume Kristina Pomorska (1928–1986). Columbus, Ohio, 1995. P. 40.

⁷ Мережковский Д.С. Чехов и Горький // А.П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 716–717.

⁸ Стасюлевич М.М. Похороны И.С. Тургенева. 19-ое – 27-ое сентября // Вестник Европы. 1883. Ноябрь. С. 439.

⁹ Никольский Ю. Дело о похоронах Тургенева // Былое. 1917. Октябрь. № 4 (26). С. 146.

¹⁰ Цит. по: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 12. М., 1983. С. 378–379.

¹¹ O'Connor K.T. Chekhov's Death: His Textual Past Recaptured // Studies in Poetics, Commemorative Volume Kristina Pomorska (1928–1986). Columbus, Ohio, 1995. P. 43.

¹² Шверубович В. О старом художественном театре. М., 1990; Пилявская С. Грустная книга. М., 2001.

¹³ Тургенев И.С. Странная история // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. Т. 10. М.; Л., 1965. С. 172–173.

¹⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. М., 1974. С. 149.

¹⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 5. М., 1977. С. 306.

¹⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 10. М., 1981. С. 70, 194.

¹⁷ Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840–1883 гг. СПб., 1884.

¹⁸ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. М., 1974. С. 106.

¹⁹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 10. М.; Л., 1965. С. 256, 620, 621; Т. 11. С. 85–87, 92, 174, 490–492, 495, 542.

²⁰ Кушнер А. Аполлон в траве: эссе, стихи. М., 2005. С. 319–320.

²¹ Левидов М. Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. № 1. С. 307.

²² Глекин Г. Встречи с Ахматовой // Новый мир. 1997. № 2.

²³ Голлербах Э. Город муз. Повесть о Царском селе. Л., 1930. С. 132.

²⁴ Duncan I. My Life <1927>. New York, 1955. P. 9.

²⁵ Панаева А. Воспоминания. М., 2002. С. 328.

²⁶ Bloom H. The Anxiety of Influence. 2nd edition. New York; Oxford, 1997.

²⁷ Цит. по: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 12. М., 1983. С. 233.

²⁸ Боцяновский Вл. Памяти И.С. Тургенева // Театр и искусство. 1908. № 33. С. 563.

²⁹ Зайцев Б. Чехов // Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 387.

References

1. A.N. Chekhov i Moskva [Chekhov and Moscow]. *Moskovskie vedomosti* [Moscow News], 1904, July 5, no. 185, p. 4.
2. Ustritsy i tifoznaya goryachka [Oysters and Typhoid Fever], *Moskovskie vedomosti* [Moscow News], 1904, July 5, no. 185, p. 4.
3. Dolinskiy M., Chertok S. Posledniy put' Chekhova [The Last Way of Chekhov]. *Russkaya literatura*, 1962, no. 2, p. 195.
4. Vengerov S.A. Vagon dlya ustrits [Car for Oysters]. *Solntse Rossii* [Sun of Russia], 1914, June, no. 228 (25), p. 6.
5. Gor'kiy M. A.P. Chekhov. *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.P. Chekhov in Memoirs of His Contemporaries]. Moscow, 1960, p. 504.
6. O'Connor K.T. Chekhov's Death: His Textual Past Recaptured. *Studies in Poetics, Commemorative Volume Kristina Pomorska (1928–1986)*. Columbus, Ohio, 1995, p. 40.
7. Merezhkovskiy D.S. Chekhov i Gor'kiy [Chekhov and Gorky]. *A.P. Chekhov: pro et contra*. St. Petersburg, 2002, pp. 716–717.
8. Stasyulevich M.M. Pokhorony I.S. Turgeneva. 19-oe – 27-oe sentyabrya [I.S. Turgenev's Funeral. 19th – 27th September]. *Vestnik Evropy* [Europe Ambassador], 1883, November, p. 439.
9. Nikol'skiy Yu. Delo o pokhoronakh Turgeneva [The Case of Turgenev's Funeral]. *Byloe* [Yesterday], 1917, October, no. 4 (26), p. 146.
10. As cited in: Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 12 [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 12]. Moscow, 1983, pp. 378–379.
11. O'Connor K.T. Chekhov's Death: His Textual Past Recaptured. *Studies in*

Poetics, Commemorative Volume Kristina Pomorska (1928–1986). Columbus, Ohio, 1995, p. 43.

12. Shverubovich V. *O starom khudozhestvennom teatre* [On the Old Artistic Theatre]. Moscow, 1990.

13. Pilyavskaya S. *Grustnaya kniga* [Minor Book]. Moscow, 2001.

14. Turgenev I.S. *Strannaya istoriya* [A Strange Story], in: Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t. T. 10* [Complete Works and Letters: in 28 vols. Works: in 15 vols. Vol. 10]. Moscow; Leningrad, 1965, pp. 172–173.

15. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 4* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 4]. Moscow, 1974, p. 149.

16. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 5* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 5]. Moscow, 1977, p. 306.

17. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 10* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 10]. Moscow, 1981, pp. 70, 194.

18. *Pervoe sobranie pisem I.S. Turgeneva. 1840–1883 gg.* [The First Collection of Turgenev's Letters]. St. Petersburg, 1884.

19. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 4* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 4]. Moscow, 1974, p. 106.

20. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Pis'ma. T. 10* [Complete Works and Letters: in 28 vols. Letters: in 13 vols. Vol. 10]. Moscow; Leningrad, 1965, pp. 256, 620, 621; Vol. 11, pp. 85–87, 92, 174, 490–492, 495, 542.

21. Kushner A. *Apollon v trave: esse, stikhi* [Apollo in the Grass: Selected Poems]. Moscow, 2005, pp. 319–320.

22. Levidov M. *Organizovannoe uproshchenie kul'tury* [Organized Simplification of Culture]. *Krasnaya nov'*, 1923, no. 1, p. 307.

23. Glekin G. *Vstrechi s Akhmatovoy* [Meetings with Akhmatova]. *Novyy mir*, 1997, no. 2.

24. Gollerbakh E. *Gorod muz. Povest' o Tsarskom sele* [City of Muses. The Tale About Tsarskoye Selo]. Leningrad, 1930, p. 132.

25. Duncan I. *My Life <1927>*. New York, 1955, p. 9.

26. Panaeva A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 2002, p. 328.

27. Bloom H. *The Anxiety of Influence*. 2nd edition. New York; Oxford, 1997.

28. As cited in: Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 12* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols. Vol. 12]. Moscow, 1983, p. 233.

29. Botsyanovskiy V.I. *Pamyati I.S. Turgeneva* [In Memory of I.S. Turgenev]. *Teatr i iskusstvo* [Theatre and Art], 1908, no. 33, p. 563.

30. Zaytsev B. Chekhov, in: Zaytsev B. *Dalekoe* [Far Away]. Moscow, 1991, p. 387.

Рылькова Галина – Ph.D., доцент русистики, кафедра языков, литературы и культуры Университета Флориды (Гэйнсвилль, Флорида, США)

E-mail: grylkova@ufl.edu

Rylkova Galina – Ph.D., Associate Professor of Russian Studies, Department of Languages, Literatures and Cultures, University of Florida (Gainesville, FL, USA).

E-mail: grylkova@ufl.edu

А.С. Акимова (Москва)

ПРИРОДА ФАНТАСТИЧЕСКОГО В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация: Изображение фантастических событий и явлений в ранних рассказах А.Н. Толстого обусловлено основными направлениями развития литературы начала XX в. и исканиями самого писателя. В рассказах Толстого 1908–1913 гг. нашли отражение образы литературы модернизма и народной поэзии, а также традиционные для русской классической литературы XIX в. приемы и мотивы. Толстой воспроизводит действительность, основываясь на личных наблюдениях и впечатлениях и используя художественные приемы А.А. Бестужева-Марлинского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и образы из литературы модернизма.

Ключевые слова: литература модернизма; фантастика; ранние рассказы А.Н. Толстого; сюжет; договор с дьяволом; литературная критика; гоголевская традиция.

A.S. Akimova (Moscow)

Fantastic in the Aleksey Tolstoy's Stories

Abstract: The representation of fantastic events in the Aleksey N. Tolstoy's stories is due to the main directions like development of the literature of the 20th century. The images of the literary modernism and folk poetry, as well as traditional Russian classical literature of the 19th century were reflected in the stories of Tolstoy between 1908 and 1913. Tolstoy reproduced reality, based on personal observations and impressions, using artistic techniques of Bestuzhev-Marlinsky, Gogol, Dostoevsky and the images of the modernist literature.

Key words: literary modernism; fiction; A.N. Tolstoy's early stories; the plot; pact with the devil; literary criticism; Gogol tradition.

Художественное мировосприятие А.Н. Толстого питают два источника: «воспринятая и усвоенная с ранних лет в естественном ходе жизни, бесконечно многообразная природно-космическая картина мира»¹, включающая фольклорные образы², и литературная традиция. Это в полной мере применимо и к природе фантастического в ранней прозе писателя. Автобиографичны уже ранние прозаические наброски и неоконченные рассказы Толстого. «В одной из сохранившихся творческих тетрадей писателя 1899–1900 гг., – отмечает О.В. Быстрова, – представлены художественные наброски, наполненные наблюдениями (подчас очень тонкими и точными) за жизнью и людьми, с четко прописанными деталями...»³. Построенные на личных впечатлениях и наблюдениях наброски, которые хранятся в архиве Толстого в ОР ИМЛИ, свидетельствуют также об интересе писателя к народной поэзии и к образам модернистской литературы. Фольклорные и символистские образы помогали Толстому создавать иллюзию зыбкости и неуловимости происходящего, неподвластность сознанию человека ирреального мира, прерывающему его существование. Не случайно начало своего творческого пути в 1929 г. сам писатель охарактеризовал так: «В